

в. и до самого серця. “Якщо істина падає нам на серце, то на стає нашим благом, нашим внутрішнім скарбом” (39, 85). Тільки за такий внутрішній скарб, а не за абстрактну думку людина здатна піти на подвиг і самопожертву. Тут ми вже стикаємося з моральною стороною “філософії серця” Юркевича, яка заслуговує на те, щоб бути розглянутою окремо.

Таким чином, з усього сказаного ми зробили о такі висновки:

По-перше, серце слугує для Юркевича (можливо, невідомо) буттєвою, або, краще сказати, онтологічною передумовою пізнання дійсності.

По-друге, серце, згідно з Юркевичем, спроможне зрозуміти цілковито і своєрідно такі душевні стани, які за своєю духовністю і життєвістю не піддаються знанню розуму.

По-третє, поняття і ясне знання розуму, оскільки воно робиться нашим душевним станом зовнішніх предметів, відкривається не в голові, а в серці. І тільки завдяки проникненню в цю глибину (тобто в серце) воно стає діяльною силою і двигуном нашого духовного життя.

Кострюкова Л.О.

(Дніпропетровськ)

“ФИЛОСОФИЯ СЕРДЦА” П.Л.ЮРКЕВИЧА В ПОИСКАХ ИСТОКОВ НРАВСТВЕННОСТИ

Пробить сердце. Вот глубокое рас-
суждение: ибо что такое пробить сер-
дце? - Привить нравственность, жаж-
ду нравственности.

Ф.М. Достоевский.

Возвращая к читателям многие полузабытые и малоизвестные шедевры философской мысли, наше время - время возрождения отечественной культуры - открывает целые пласты традиционных для украинской культуры тем и проблем. Среди них - философия сердца, в развитие которой внес свой вклад Памфил Данилович Юркевич.

Его работа “Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия”, изданная в 1860 году в

“Трудах Киевской духовной академии”, по глубине философской интуиции, основанной, как это следует из текстов работ и биографических источников, на широкой философской эрудиции и богатом интеллекте, безусловно принадлежит к числу лучших творений украинской философии.

Долгое время, с упоением прочитывая страницы всемирной философской классики, взращенной выдающимися представителями других народов на могучем древе человеческой цивилизации, мы сторонились отечественной философской мысли, усматривая в ней вторичность, провинциальность. Такое отношение коренилось, в частности, и в отсутствии учета плюрализма философских учений, на которых лежит печать качественного различия национальных особенностей развития народов, исторических эпох, культур.

А между тем и сама жизнь, и теория выдвинули веские аргументы в пользу внимательного изучения украинского философского наследия с его каскадом идей этической проблематики. И заметное место в этом наследии занимает “философия сердца”.

К сожалению, судьба, мягко говоря, немилостиво обошлась с этим учением. И только сейчас, когда XX век явно вскрыл одномерность, односторонность рационализма как единственной модели развития и осмысления окружающего мира и человека, это философское учение приковывает внимание людей, стремящихся найти пути выхода из духовного кризиса, охватившего человеческую цивилизацию.

Известно: и в поэзии, и в обыденной речи, и в религии, и в философии, и в фольклоре слово “сердце” широко употребляется на разных языках и в сугубо прямом понимании - как орган тела, центральный орган кровообращения, и в переносном значении - как символ сосредоточения чувств, переживаний, - и как синоним понятий “дух”, “душа”. При этом следует подчеркнуть, что в своей символической заданности оно встречается в религиозных текстах, в частности, в Библии, где символ “сердца” играет конструктивную роль в системе религиозного мировоззрения. Это дает основание для утверждения, что традиция осмысления символа “сердца” является и универсальной, и национальной. Универсальной ее делает концепт, символ “сердце”, национальной же, во-

первых, - укорененность в национальной культуре, во-вторых, - причины обращения и разработка темы на метафизическом уровне, способы аргументации. Отсюда становятся понятными отличительные смысловые доминанты, присутствующие в философии сердца ряда отечественных мыслителей. Ведь мысль философа творит именно смысл, а он не менее строг, доказателен, чем, к примеру, в математике.

Так, П.Д.Юркевич, вникая в символику “сердца”, представленную в Библейских текстах, обнаруживает смысловую полифонию, внутренние пласты которой он подвергает “раскодированию”, создавая тем самым свою философско-антропологическую концепцию “сердца”.

В небольшой по объему работе (что, впрочем, весьма характерно для П.Д.Юркевича) разрабатывается несколько пластов, блоков исследуемой проблемы значения сердца в духовной жизни человека, внутренне сопряженных друг с другом, взаимообусловленных. С некоторой долей схематизма, вызванного стремлением обозначить основные векторы теоретической картины “сердца” П.Д.Юркевича, можно выделить такие блоки:

- I БЛОК: сердце - тело, сердце - голова;
- II БЛОК: сердце - познание, сердце - мышление, разум;
- III БЛОК: сердце - душа, сердце - за-душевное, бессознательное;
- IV БЛОК: сердце - дух, сердце - религия, сердце - нравственность.

При этом - следует подчеркнуть это особо - основное поле притяжения, вокруг которого концентрируется мысль философа, - нравственная и религиозная жизнь человека. Сам автор статьи усматривал свое равнодушное отношение к изучаемой проблеме в том, что ему “дорога религиозная и нравственная жизнь человечества” (39, 103).

В этой статье я не намерена излагать основные тезисы работы П.Д.Юркевича. Тем более, что это уже сделано его учеником В.С.Соловьевым в статье “О философских трудах П.Д.Юркевича” (18,552-577) и Д.Чижевским в “Нарисах з історії філософії на Україні” (32). Мне хотелось бы акцентировать внимание на тех философских идеях П.Д.Юркевича,

изложенных в работе “Сердце и его значение в духовной жизни человека...”, которые столь актуальны для нашего времени.

Но прежде всего необходимо ответить на вопрос: что же такое “сердце” в понимании Юркевича-философа и почему именно “сердцу” он придает важнейшее значение в формировании нравственной структуры личности?

Здесь уже говорилось о том, что специфические акценты прочитывающиеся в философском наследии украинских мыслителей, разрабатывавших “философию сердца”, обусловлены исходным “материалом” - символом “сердца”, внутренний слой которого всегда ориентирован на протяженность человеческой истории. От библейского символа “сердца” отталкивается и П.Д.Юркевич, замечая, что “во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками” (39,69).

Разворачивая систему доказательств, П.Д.Юркевич анализирует не только религиозные тексты, но и обращается к данным современной ему физиологии, психологии, к философским учениям рационалистического толка, подвергая их критическому осмыслению.

По Юркевичу, существует несомненная взаимосвязь между головным мозгом, душой и сердцем. Это обусловлено физиологическими особенностями индивида, тем, что телесным органом души может быть не что иное, как человеческое тело. А раз сердце соединяет в себе все силы этого тела, то оно же является и ближайшим органом жизни душевной. Но душевная жизнь многопланова: она имеет свою внешнюю форму выражения (то, что обозначается как *сознательная* деятельность души) через непосредственный свой орган - головной мозг, и внутреннюю форму, скрытую, глубинную, недоступную анализу, сконцентрированную в человеческом сердце, являющемся местом рождения всех форм душевной жизни. Вот почему *общее чувство* души, или чувство, которое мы имеем о нашем собственном духовно-телесном бы-

тии, дает о себе знать прежде всего через сердце, сопровождающая различные изменения чувств переменами в биениях сердца.

Анализ текста показывает, что фактически под душевной жизнью П.Д.Юркевич понимает мир эмоций как один из регуляторов психической деятельности и поведения индивида, однако продолжает оперировать устоявшимся в христианстве понятийным аппаратом. Сравним, к примеру. "Телесным органом души может быть не что иное, как человеческое тело. Посему как сердце соединяет в себе все силы этого тела, то оно же служит ближайшим органом жизни душевной. Тело есть целесообразный орган души не по *одной* своей части, но по всецелому своему составу и устройению" (39,78), - пишет П.Д.Юркевич. Современная физиология, рассматривая эмоции как одну из сторон отражательной, то есть психической деятельности, указывает на то, что "они связаны с корой - высшим отделом головного мозга, но в значительной мере - и с подкорковыми образованиями мозга, ведающими регуляцией *сердца* (выдел. мною. - Л.К.), дыхания, обмена веществ, сна и бодрствования" (17,650).

Однако, акцентируя внимание на первостепенной роли сердца в душевной жизни человека как органе, в котором через кровеносную и нервную системы сходятся и соприкасаются все другие значительнейшие системы человеческого организма, П.Д.Юркевич делает вывод о том, что "наши мысли, слова и дела суть *первоначально* не образы внешних вещей, а образы или выражения общего чувства души, порождения нашего сердечного настроения" (1,81). Этот вывод логически вытекает из предыдущей посылки автора статьи, согласно которой "состояния и настроения души далеко еще не определяются во всей полноте деятельностью тех пяти органов чувств, которые проводят полученное ими совне впечатление до головного мозга" (39,81).

Этим теоретическим выводам П.Д.Юркевича противоречат данные науки, подтвержденные на основе экспериментов во II пол. XX в. о функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, доказавшей, что левое и правое полушария имеют разную функциональную нагрузку. И все же необходимо различать специфически философский

смысл, которым руководствуется П.Д.Юркевич в разрабатываемой им концепции. Мне он видится в том, что философ, не располагая столь богатым материалом психофизиологии физиологии высшей нервной деятельности и других наук, каким владеем мы сейчас, отстаивает необходимость гармоничного развития обеих сфер жизнедеятельности человека: мыслительной (логической) и эмоциональной (душевной). "Если бы человек обнаруживал себя одним мышлением, - пишет он, - которое в таком случае было бы, по всей вероятности, самым подлинным образом внешних предметов, то многообразный, богатый жизнью и красотой мир открывался бы его сознанию как правильная, но вместе и безжизненная математическая величина. Он мог бы прозревать эту величину насквозь и всецело, но зато уже нигде не встретил бы бытия истинного, живого, которое поражало бы его красотой форм, таинственностью влечений и бескорыстной полнотою содержания. Нам кажется, что в действительной душе нет такого одностороннего мышления" (39,82). Вот почему П.Д.Юркевич с такой страстью обрушивается на те философские теории, согласно которым сущность души есть мышление, и ничто более, утверждающих, что мышление есть весь человек. Здесь украинский мыслитель выступает одним из первых критиков рационализма, предвидя тот вред, который может принести (и приносит!) одностороннее культивирование сугубо мыслительной сферы в ущерб душевной (эмоциональной), духовной.

Фиксация и анализ этого момента представляется остро актуальным в том плане, что современная система воспитания и образования все еще ориентируется в большей или меньшей мере на формирование умственных, мыслительных способностей, более того, на информационную "загрузку" людей без должного внимания к эмоциональной (душевной) сфере человеческой жизни.

Особое значение принадлежит все же воспитанию. И в нем прежде всего эмоционального фона в раннем детском возрасте (до 5-6 лет), поскольку, как отмечается в научной литературе, у человека под влиянием воспитания формируются *высшие эмоции*. К ним относятся моральные чувства: со-страдание, со-чувствие, со-переживание, со-действие, со-

участие, со-причастность, дружба и любовь как высшее нравственное чувство; интеллектуальные чувства: радость познания, огорчение от неудачи при выполнении задачи и др.; эстетические чувства, порождаемые встречей с прекрасным и красивым, созерцанием природы и произведений искусства.

Таким образом, из вышеизложенного следует: существует глубокая, органическая связь между эмоциональным (душевым) развитием личности и нравственными регулятивами, посредством чего личность осуществляет свой моральный выбор. Вот почему, по Юркевичу, следует различать разумность поступка и его нравственное достоинство.

Нравственную ценность имеют те человеческие поступки, которые совершаются свободно, из любви или от сердца, по усердию. Поэтому в тех случаях, которые имеют особенно важное значение, человека просят высказать свое мнение от сердца. "Вы говорите, - приводит пример П.Д.Юркевич, - об этом человеке: "Он делает добро не по принуждению, не по расчету, не по приказанию, а свободно или охотно, по любви к добру; итак, на его нравственный характер всегда можно положиться; его образ деятельности есть бескорыстный и чистый; он не обманет вас, в случае вы были бы неосторожны, не похитит ваших прав, в случае вы были бы слабы. Он не боится предстать с тайными движениями своего сердца пред лицо всеведущего Бога: он чистая и нравственная личность" (39,96). Правдивым же человек может быть и по *необходимости*. Но тогда это его качество имеет не нравственное достоинство, а юридическое. Он выступает здесь как законопослушный гражданин. Философ обращает внимание и на важную роль *индивидуально-личностного* начала нравственной жизни людей, которое формируется на основе непосредственного "внутреннего опыта", из *частно-развитой, своеобразно-обособленной душевной жизни*: "только по этой причине они составляют *нашу личную вину или нашу личную заслугу, которой мы ни с кем не разделяем*" (39,88-89). А для того, чтобы человек имел возможность развить в себе эти нравственные начала, он должен быть *свободным*.

Разрабатывая философию сердца, П.Д.Юркевич не уменьшает роль мышления, разума, ума в реальной жизни

человека, несмотря на неприятие чрезмерной абсолютизации их в рационалистических философских концепциях (или как пишет П.Д.Юркевич, учении о *самозаконии* (автономии) человеческого разума), считая человеческий ум вершиной, но не корнем человеческой жизни. “Мир, как система явлений жизненных, полных красоты и знаменательности существует и открывается переее всего для *глубокого сердца* и отсюда уже для понимающего мышления” (39,82). Поэтому он подчеркивает, что лучшие философы и поэты отмечали роль сердца как источника рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих произведениях при посредствующей роли сознания, способствовавшего приобретать этим идеям ясность и определенность, свойственные мышлению.

Но справедливо и другое. Чувства, эмоции, переполняющие душевно и духовно развитого человека, настолько сложны и разнообразны, что “человеческое искусство. может быть, вечно будет повторять справедливые жалобы на недостаточность средств для выражения и изображения этих сердечных состояний” (39,84). И - считаю нужным добавить - искать все новые и новые средства, пути и приемы для достижения этого.

“Философия сердца” П.Д.Юркевича, как и многие другие философские тексты, может быть осмыслена не только с учетом понимания непосредственно поставленных и решаемых в ней задач, но и ее “сверхзадач”, то есть тех проблем общекультурной и духовной жизни общества, на которые сознательно или бессознательно ориентировался и отвечал автор при написании своей работы. “Юркевич знал, понимал и отдавал должное своему времени, но он *был философом*, а потому видел еще дальше...” (34,579), - отмечал Г.Г.Шпет в докладе “Философское наследие П.Д.Юркевича”, посвященном 40-летию со дня смерти мыслителя. Именно поэтому через “философию сердца” П.Д.Юркевича обнаруживаются смыслы, прокладывающие дорогу к философским концепциям антропологического направления XX века: персонализму, экзистенциализму, интуитивизму, к разработке проблем бессознательного.